

Вартан Петросян: — «Отец был максимально надежен»

ТИГРАН ПЕТРОСЯН ВОШЕЛ В ИСТОРИЮ ШАХМАТ КАК 9-Й ЧЕМПИОН МИРА. 17 ИЮНЯ ЕМУ ИСПОЛНИЛОСЬ БЫ 80 ЛЕТ. ВЛАДИМИР АНЗИКЕЕВ ВСТРЕТИЛСЯ С ЕГО СЫНОМ ВАРТАНОМ И ПОПРОСИЛ ПОДЕЛИТЬСЯ ВОСПОМИНАНИЯМИ О ТОМ, КАКИМ БЫЛ ЕГО ОТЕЦ.

— Что Тигран Вартанович рассказывал о своем детстве и юности?

— О своем детстве он старался не рассказывать. Слишком сложным и трудным оно было. В годы войны лишился родителей. Чтобы как-то прожить с 15 лет стал работать дворником. А все свободное время посвящал любимой игре, которой научился довольно поздно — в 12 лет в пионерском лагере, перед самой войной. А в год, когда СССР победил в этой войне, отец выиграл юношеский чемпионат страны. Через год повторил этот успех. Его заметили и пригласили в Москву.

— Сколько лет вам было, когда он стал чемпионом мира?

— Восемь.

— Я слышал, что вас тогда поклонники похитили, и милиции пришлось разыскивать сына Петросяна по всему Еревану...

— В аэропорту отца встречали тысячи поклонников, и в огромном людском потоке я потерялся. Какие-то люди меня подхватили и куда-то повезли. Там было большое застолье. Тосты в честь отца стали произносить. Но я ничего не понимал. Ну а потом милиция появилась. Меня забрали и отвезли к отцу. Вот и все приключение.

— Трудно быть сыном чемпиона мира?

— Легко. И даже приятно. Но по молодости этого не понимаешь. На фоне основной массы советского народа мы жили очень хорошо. У нас все было. Были в этом и минусы — сегодня я понимаю, что мне завидовали, а тогда этого не понимал. Но отец был очень скромным человеком. Даже став чемпионом мира, не требовал гонорары за участие в международных турнирах. Однажды, году в 1968-м, один из известных зарубежных гроссмейстеров, буквально взмолился: «Нам не платят гонорары, потому что чемпион мира не берет». И отец пошел навстречу.

— Когда вспоминают вашего отца и его шахматные успехи, то очень много говорят о роли вашей матери. Как они познакомились?

— Отец и мама познакомились на церемонии закрытия какого-то турнира. Она уже была в разводе с первым мужем. Все эти истории про то, как они вместе с Ефимом Геллером за ней ухаживали, и она якобы сказала, что выйдет за того из них, кто лучше сыграет в межзональном турнире в Швеции — домыслы. Ухаживал за ней один отец, причем довольно долго.

— У него что, не было достаточного опыта по этой части?

— Да нет. Геллер рассказывал, что в молодости они хорошо погуляли...

— А, женившись, превратился в примерного семьянина?

— Даже очень примерного.

— Рону Яковлевну вспоминают как сильную волевою женщину, которая чуть ли не управляла всем шахматным миром...

— Она была великолепным организатором. Но что касается сплетен о том, что от нее зависело, кто из шахматистов поедет играть за границу, а кто нет — преувеличение. Тогда все решали ЦК КПСС и Спорткомитет. Другое дело, что было много хороших знакомых наверху, которые нам помогали, если возникала необходимость. В основном просили за других.

— Говорят также, что ваш отец как-то признался, что без нее не стал бы чемпионом мира...

— На это мама ответила: «Без меня, может, стал бы раньше». А он ей в ответ: «Но с тобой-то я стал». Отцу в этом плане повезло. Мама освободила его практически от всех семейных забот. Но это не значит, что он совсем не занимался нашим с братом Михаилом воспитанием. Когда было по-настоящему нужно, всегда приходил на помощь.

Фото из архива В. Петросяна

— Какой он был отец?

— Очень хороший. Максимально надежен. Это был его стиль — как в шахматах, так и в жизни. И этому стилю отец не изменял никогда. Когда его спросили, почему он не играет королевский гамбит, он ответил: «Тогда бы я кормил своих детей другой профессией». Но строгий, во всем. Я его боялся. Правда, дома он бывал не так часто: в общей сложности не более четырех месяцев в году.

— Кто же вами с братом занимался?

— Мы жили с маминими родителями. И еще у нас была домработница. А когда родителей в школу вызывали, всегда ходил дед. Отец там появлялся редко.

— В чем выражалась его строгость? Приведите хотя бы один пример.

— Как-то приехал с турнира поздно вечером и тут же стал у меня уроки проверять. А я географию не выучил. И вот с половины одиннадцатого до часу ночи пришлось учить. Вызубрил практически дословно. Только после этого он отпустил меня спать. На следующий день я получил пятерку (первую и последнюю по этому предмету). Сам поднял руку: обидно было, что столько труда пропадет понапрасну.

— А вы увлекались шахматами?

— Особенно-то нет. Отец был против: считал, что шахматы — слишком тяжелое занятие. Чтобы

добиться больших успехов, нужно посвятить всю жизнь целиком. Много талантливых людей пытались, и ничего не вышло. Но так получилось, что у нас в школе оказался шахматный мастер Володя Козлов (на два класса старше), который затащил меня во Дворец пионеров. Я почти два года занимался там у Александра Рошаля. А за год до института бросил: нужно было к вступительным экзаменам готовиться. Когда поступил в институт — тем более не до того стало.

— Но один из афоризмов вашего отца звучит так: «Никто не пожалеет о времени, отданном шахматам, ибо они помогут в любой профессии»...

— Я, наверное, исключение.

— С кем из шахматистов он дружил?

— С Ефимом Геллером. С Михаилом Талем. Но мне трудно судить, потому что с шахматистами он в основном встречался на турнирах, а я видел только тех, кто приходил к нам домой. К нам очень многие приходили, особенно когда дача появилась. Это как раз совпало с утратой шахматной короны, и у отца высободилось время для общения. Начался своего рода «гульбарий» — каждую субботу и воскресенье. Кого только не было! Если кого забыл, пусть не обижаются. Много академиков: Андроник Иосифян, Александр Ишлинский (соседи по даче). Хирург Александр Вишневский. Владимир Алхимов — председатель Госбанка. Из деятелей кино помню Сергея Бондарчука (сосед по даче), из композиторов — Арно Бабаджаняна, из музыкантов — Давида Ойстраха. Отец очень любил музыку, причем самую разную, от классики до рока.

— Любил застолья?

— Общение любил. Он практически не пил и совсем не курил. Рассказывал, что в юности пробо-

вал курить для солидности, но не понравилось. Таль, например, употреблять начал, когда стал чемпионом. А отец — наоборот: впервые на моей памяти выпил перед вторым матчем со Спасским. Причина мне неизвестна. Но выпил — это слишком сильно сказано. Для обычных людей — это больше напоминает разминку перед тем, как сесть за стол.

— Он был азартным человеком?

— Азартным. Его вдохновляла борьба за чемпионство. Но, когда человек уже достиг желаемого, пыл остывает. Отец считал, что это нормально. Хотя азарт в нем сохранился до конца жизни. Особенно это проявлялось в нардах: проиграв, переживал и нервничал так, будто каждая партия была решающей. Точно так же болел за футбол или хоккей. Он был истинным болельщиком, и любовь к футболу и хоккею была одним из немногих увлечений, мешавших ему играть в шахматы. Матчи на первенство мира по шахматам проводились весной, когда хоккейный чемпионат заканчивался, а футбольный только начинался, и отец мог сделать быструю ничью и уехать на стадион. Во время второго матча

со Спасским отец вместо того, чтобы делом заниматься, на свой любимый «Спартак» ходил. («Спартак» в 1969 году весь сезон лидировал и стал чемпионом и по хоккею и по футболу.) Самым большим огорчением для отца было, когда «Спартак» проигрывал, а вот за шахматы он так не переживал. Помню лишь один случай, когда в 1966 отец не выиграл 12-ю партию у Спасского... Там была сложная борьба. В конце партии он мог выиграть комбинацией под названием «мельница», но провел ее в неправильной редакции. Подобная комбинация очень редко встречается, а в матчах на первенство мира такое было вообще впервые. Отец потом «выключился» на неделю, все вспоминал эту партию, и следующую Спасскому проиграл. Но это на моей памяти единственный случай.

— Чем еще он любил заниматься?

— Книги любил читать, причем серьезную литературу — от Федора Тютчева до Мишеля Монтеня и Канта. В театры ходил, но редко — чаще на концерты. Очень любил возиться в саду. Даже шутил по этому поводу:

«Если бы у меня в детстве была такая возможность, я стал садовником». При его жизни у нас был самый лучший сад. Он очень любил цветы...

— Он ведь и к автомобилям был неравнодушен?

— Да. Но неправда, что он менял их как перчатки. Сначала у нас была «Волга». А в 1973 году после победы на турнире в США отец на призовые деньги купил автомобиль «Олдсмобил», большой и

длинный. Спустя три года он купил новый «Олдсмобил» — эта марка ему очень нравилась. Но у него даже водительских прав не было. Возил шофер, которому отец платил из собственного кармана (как и домработнице). Сам за руль садился редко, но, если и ездил, то лишь по территории дачи. После того, как купил дачу, он жил там постоянно вместе с мамой. Мой брат Михаил к тому времени уже женился и жил отдельно, а я остался один в москов-

ской квартире — с 16 лет, как стал студентом.

— И родители вас не контролировали?

— Дед с бабушкой иногда приезжали, а родители практически не бывали. Тогда мне такая свобода очень нравилась, а сейчас думаю, что лучше бы контролировали.

— Спортом ваш отец занимался?

— Только лыжами. Зимой ходил ежедневно километром по 15.

— *Один или с Ронной Яковлевной?*

— Мама лыжами не увлекалась. Сначала ходил с собаками, потом, когда одна из них погибла, ходил уже один. У нас были две овчарки: кавказская и немецкая. Немецкую овчарку (щенок от Мухтара, сыгравшего главную роль в известном фильме) сбил поезд. У отца были проблемы со слухом (плохо слышал одним ухом), и он не услышал гудка электрички. Сам успел перейти железнодорожное

полотно, а собака — нет. Впрочем, может, она его таким образом спасла. Это отец сам говорил.

— *Выходит, он в последние годы постоянно жил на даче?*

— Но дача-то рядом с Москвой. Из больших шахмат он не ушел. Продолжал участвовать в турнирах. Уже подрастало новое поколение шахматистов. Ему было интересно играть с новыми соперниками. Создал школу по подготовке молодых шахматис-

тов, многие из которых впоследствии стали известными гроссмейстерами. Обещал помочь Гарри Каспарову в его поединке с Анатолием Карповым. Но болезнь подвела. Отец успел отметить свое 55-летие, а меньше чем через два месяца — 13 августа 1984 года — ушел из жизни...

— *Вашего сына тоже зовут Тигран?*

— Да. Тигран Вартанович, как и его деда.

ГЕННА СОСОНКО

В чемпионате Грузии 1945 года первым призом было пальто. Учитывая, что времена были тяжелые, это был не такой уж плохой приз, ведь в Тбилиси зимой может быть очень холодно. Шестнадцатилетний Петросян превосходно начал турнир, но после проигрыша своему другу Тенгизу Георгадзе шансы на получение пальто резко уменьшились. Тигран даже жаловался тете Георгадзе, что вот теперь из-за Тенгиза должен ходить зимой раздетым. Но потом все-таки собрался и выиграл тот чемпионат, и пальто, первое в жизни пальто в итоге досталось ему.

После смерти матери Тигран оставил школу и начал работать. Сначала табельщиком, потом помощником киномеханика. Когда отец, дворник тбилисского Дома офицеров, умер, Тигран, чтобы не лишиться жилья, сам стал подметать улицы. Зимой, случалось, вставал затемно, чтобы очистить двор от выпавшего снега, а вечером шел играть в шахматы.

Это тбилисское детство не выходило у него из памяти двадцать лет спустя, во время первой партии матча на первенство мира с Ботвинником. Зал в московском Театре эстрады, вмещавший полторы тысячи человек, был в тот день переполнен. Петросян не смог справиться с волнением и проиграл. Проиграл безропотно, к тому же еще белыми, что с ним случалось крайне редко.

«Вдруг я заволновался, удивился, голова пошла кругом: неужели это я, Тигран, тот самый тбилисский мальчишка, выросший сиротой, — это действительно я, который пытается отнять сейчас звание чемпиона мира у самого Ботвинника? — вспоминал Петросян. — И в следующих трех партиях, закончившихся быстрыми ничьими, я старался привыкнуть к этой мысли, что да, я тот самый Тигран, которого судьба вознесла

Пальто

столь высоко... Интересно, если бы не было тогда тбилисского Дворца пионеров, Арчила Эбралидзе, который не столько рассказывал о шахматах, сколько разрешал присутствовать на своих занятиях, его страстной любви к шахматам, которая передалась мне, кем бы я стал...?»

Летом 1946 года молодой кандидат в мастера переехал в Армению и три года прожил в Ереване. Он числился инструктором шахматного клуба, но должность эта была, конечно, синекурная: все время Тигран занимался шахматами и играл в турнирах. В матче за звание чемпиона Армении он победил самого Генриха Каспаряна 8-6, но Всесоюзная квалификационная комиссия отклонила просьбу армянской федерации о присвоении Петросяну звания мастера. Это решение сильно повлияло на молодого шахматиста: в состоявшемся через месяц полуфинале первенства страны в Тбилиси Петросян занял одно из последних мест.

Мастером он стал только на следующем году в Москве. В последнем туре полуфинала чемпионата Советского Союза Петросян встречался с чемпионом столицы Владимиром Симагиным. Выигрыш позволял Тиграну участвовать в финале чемпионата — немалое достижение по тем временам — ничья принесла долгожданное мастерское звание. Петросян добился подавляющей позиции и... предложил ничью. Тогда он вел дневник и, хотя там можно найти запись: «Нужно играть на атаку, хотя бы и связанную с риском, ибо

смелым принадлежит мир», — одно дело приказать себе на бумаге, другое — осуществить это на практике.

Симагин ничью отклонил. Через несколько ходов, все еще имея очень перспективную позицию, Петросян повторил предложение. Симагин вновь ответил отказом. Может быть, Петросян завелся? Решил сыграть на максимум, ведь он прекрасно понимал оценку положения на доске? Ничуть не бывало. Еще через пару ходов он в третий раз предложил Симагину закончить партию миром, добавив, что делает это в последний раз. Подумав, Симагин согласился. Радости Петросяна не было границ: он возвращался в Ереван мастером спорта. Но в Армении достойных соперников для него уже не было.

Тренер московского «Спартака» Николай Колобов, содействовавший переезду армянского шахматиста в столицу, в ответ на вопрос начальства, что нужно для молодого мастера Петросяна, отвечал: «Совсем немного: билеты на футбол и деньги на мороженое».

Когда Петросян приехал в Москву в конце 1949 года, багаж его состоял в основном из нескольких шахматных книжек. В подмосковной Малаховке на футбольной базе «Спартака» Тигран получил маленькую комнатку без удобств, но был безмерно счастлив и такой.

Несколько лет назад в Москву тоже в двадцатилетнем возрасте приехал Давид Бронштейн, теперь знаменитый гроссмейстер и без пяти минут претендент на мировое первенство. Дэвик тоже поселился тогда в комнатке на ста-

дионе, только «Динамо», и знаменитые динамовские футболисты звали его ласково Давидкой.

Петросян превосходно помнил Бронштейна по Тбилиси: зимой военного 1942 года маленький Тигран по пути в школу не раз встречал тощего бледного очкарика, прохаживавшегося взад-вперед по аллеям парка. На нем был защитного цвета ватник, из кармана которого торчала пайка черного хлеба, в руках он держал карманные шахматы, на которых без усталости разбирал какие-то позиции.

Хотя Петросян жил за городом, он довольно часто наезжал в Москву. Об одной из таких встреч вспоминал Сало Флор. Однажды, засидевшись в клубе «Спартака», они заговорились с Тиграном до позднего вечера. Когда, поднявшись, Флор предложил: «Ну, пора по домам», — смущенный Петросян отвечал, что остается здесь: он спал прямо в клубе на столе...

Потом он жил несколько лет в тринадцатиметровой комнате коммунальной квартиры. Став гроссмейстером, переехал в отдельную просторную квартиру на Пятницкой. Войдя туда впервые, развел руками: «Да, в такой квартире можно сбор целой команды проводить...»

Этой фотографии почти шестьдесят лет. Площадь в центре Еревана. Новый год. Елка. Дед Мороз. Тигран улыбается. На нем еще то, тбилисское пальто, очевидно, слишком большое на него. Через несколько лет он станет гроссмейстером, претендентом на мировое первенство. Все еще впереди.